

П.М. Никиткин

РУССКИЙ БЕРЕГ

Роман

Благовещенск 2013

ФЁДОР

С наступлением зимы Таёжный засыпало снегом. Только деревянные дома да котельная в дрёме попыхивали дымом труб. Стаи хохлатых свиристелей перелетали с дерева на дерево, склевывая ягоды красной рябины, гроздь которой смотрелись пятнами крови одинаково и на тёмном фоне елей, и на белом снегу. А город засыпался снегом и засыпал в тепле и сытости. Тихо и мирно пройдёт долгая зима, за ней промелькнут весна, короткое северное лето, а тут, глядишь, и опять осень на носу.

Зимой, весной и летом жизнь в городе текла спокойно, степенно, как вода в реке, на берегу которой он стоит. Река тоже звалась Таёжной. С весны до ледостава поскрипывали портовые краны, разгружая баржи с углём, мукой и провиантом, который за зиму подъездается городским и окрестным населением. Шумели на дорогах машины, а по утрам и вечерам автобусы развозили людей на работу и с работы.

В последние годы притих городок, замер, словно отдыхая от шумных трудовых, даже можно сказать – героических дел. Ушли суета и нервные крики строителей. Сняли со стен и заборов выцветшие ленты транспарантов – свидетелей и участников всех больших строек. Уезжая, строители оставили за сопкой гидроэлектростанцию да в берёзовой роще посёлок эксплуатационников, состоящий из безликих панельных пятиэтажек – близнецов.

Визитной карточкой посёлка считается культурный центр да гостиничный комплекс «Серебряный створ», что расположились между старым городом и электростанцией.

Старый деревянный город, щедро украшенный затейливой домовой резьбой, был известен ещё с девятнадцатого века как центр старательского промысла, а позднее, современной, крупнейшей на Дальнем Востоке ГЭС. Жили мирно, нисколько не нарушая природной гармонии. Тишина гор глухим одеялом укрывала все людские беды и тревоги. Но спокойная, как

казалось приезжему человеку, несколько сонливая жизнь длилась только десять месяцев в году. В конце октября – начале ноября наступал «час пик». В это время свои работы сворачивали старательские артели и геологические партии. Сезонники получали расчёт за работу и группами, отрядами выбирались из таёжных поселков, приисков и летних лагерей. Отсюда, из Таёжного, для них начиналась дорога домой.

Многие из сезонников, те, кто поглупее да неопытнее, с полными карманами денег, словно молодые телята по весне, задрвав кверху хвост, пускались наперегонки и начинали загул, отпускали истосковавшуюся по спиртному душеньку на все четыре стороны. Гуляй, родимая, наконец-то ты в цивилильном мире и тебе сейчас многое позволено! Тут уж шумел не только камыш, а стоном стонала тайга. А кто поумнее да похитрее – не отягощали себя купюрами, не совали их под нос официанту ресторана. Предусмотрительно отправляли заработанные деньги почтовым или телеграфным переводом жене, оставив себе малую толику, необходимую на дорогу и билет.

Такие мудрецы тихо сидели в уголках вокзалов в ожидании своей очереди за желанным билетом, запивая кефиром прямо из бутылки батон хлеба. Главное – добраться домой, в привычный и обжитой мир, к семьям, к детям! Но по этой дороге до родного порога, да еще с деньгами, доберется не каждый. Ох, не каждый...

Гостиничный комплекс «Серебряный створ» в это время бывал не то что переполнен, а набит до отказа. Во всех углах, проходах и комнатах шевелилась человеческая масса. Людьюми это назвать трудно. Что-то серое, грязное, пьяное заполняло пространство гостиницы и ресторана. Начиная с уличных скамеек, ступеней и до самой чердачной лестницы, от кабины ресторана и до номера люкс в гостинице – всё закуплено и оплачено этими существами, потерявшими счет деньгам и времени. Да, пожалуй, не только «Серебряный створ», но и весь город напоминал муравейник. Везде, в аэропорту, на речном и на автовокзалах кишела, суетилась людская масса. Хотя сравнение с муравейником, может

быть, и не совсем удачное и даже обидное для муравьёв. У них-то как раз всё идёт своим порядком, всё определено и организовано. А город сейчас напоминал скорее шевелящуюся свалку.

И, как на всякой свалке, здесь тоже кормилось не только вороньё, но промышляли хищники и покрупнее. И были они разной масти: и серые, и чёрные, и разноцветные.

«Серые» шакалами мелькали среди столиков ресторана, по коридорам гостиницы, в залах вокзалов. Хищническое отродье старалось побольше сожрать и выпить за чужой счёт, «на халяву». Эти шакалы за столами произносили лживые тосты и были готовы, за определённую мзду, оказать всем и всякие услуги. Если же «благодетель» «накачивался» слишком, то можно, незаметно для других, «посчитать» у него в кармане денежки. А потом, в угоду новому «хозяину», вышвырнуть его из-за стола. А то и вовсе на улицу. Завтра бывший богатея уже сам станет прислугой, будет кланчить деньги на выпивку и билет.

«Чёрные» хищники заранее слетались на этот пир. Они заранее селились в гостиницах, поджидая старателей и рабочих геопартий, как медведи рыбу во время нерестового хода. Они оседали в лучших номерах. Эти не мелькали на глазах у стражей порядка (хотя, порядка сейчас не было нигде). «Чёрным» обед подавался прямо в номера. Это – карточные шулеры – «интеллигенция» воровского мира. Рядом были и щипачи-карманники.

Особой стороной шли «разноцветные», тайные хищники. Эти не летели на пир из далёкого далека. Нет. Они даже не сходили с обычных рабочих мест. Но этими самыми рабочими местами сейчас пользовались как сильнейшими челюстями, когтями и зубами. Рвали добычу, глотали кусками, стараясь утолить сезонно просыпавшийся голод. Это – должностные работники. Начиная с администратора гостиницы, билетного кассира, рядового милиционера и кончая их начальством – все хотели урвать себе кусок пожирнее.

Начинался пир хищников. Стаями и поодиночке, днем и ночью они охотились на оплошавших, отупевших от хмеля сезонных работников. Молох перерабатывал, перемешивал человеческие судьбы с деньгами и кровью.

Казалось, весь город сошел с ума, помешался на деньгах и водке. Но это было не так. Жилые районы, промышленные предприятия и стройки занимались повседневными делами.

Проходил месяц-полтора, и большинство бывших «недельных богачей» уезжало из города с пустыми карманами, разбитыми опухшими лицами и с зарокотом никогда сюда не возвращаться. Никогда... Долго потом они будут жалеть о напрасно потерянном времени и радоваться, что вырвались из этого ада живыми.

Некоторые, пропившись «в нуль», ограбленные и потерявшие всякую надежду приобрести билет «на большую землю», потом будут ходить по организациям и предприятиям, подыскивая место кочегара, сторожа или еще какую-нибудь работу – лишь бы пережить зиму. Пережить зиму, чтобы весной опять пойти в артель. Эти уже неизлечимы, эти не сойдут с круга. Только нелепая смерть или какое увечье смогут снять их с гонки.

Стихало пьяное буйство, город заносило снегом, он успокаивался в дрёме до будущей осени, до следующего «часа пик».

«Да, были времена – не то, что сейчас. А прошло всего одиннадцать лет. Но как все изменилось!?» – удивлялся Фёдор.

Одиннадцать лет назад они – три друга: Витька, Сашка и Фёдор оказались в этом городе в «час пик» Тогда они и увидели все прелести этого момента. Три друга из далекого города Лесозаводска.

Они всегда были вместе: жили в одном квартале, учились в одной школе и даже в одном классе, закончили один и тот же техникум, потому что другого в городе не было. Правда, потом служили в разных местах и в разных родах войск. Виктор попал в ПВО, Сашка – в танковые, а Федор – в воздушно-десантные.

Головой компании или, как сейчас говорят, мозговым центром был Витька. Башковитый, сообразительный, но физически самый слабый, он постоянно куда-то спешил, постоянно был занят и его вечно одолевали какие-нибудь идеи. В школе, да и во всем городе не проходило ни одной олимпиады, ни одних шахматных соревнований, где бы он не принимал участия. Естественно, из троицы Витька был самым успевающим в учёбе. И понятно, что все домашние задания он один делал за троих. Его удивляла заторможенность друзей.

– Ну, как вы не понимаете этого? Что тут сложного? Эту теорему можно доказать двумя способами, – старался объяснить он своим друзьям. Но те не могли доказать её и одним, они только согласно кивали головами, старательно списывая домашнее задание из Витькиной тетради. Витька – светлая голова – отличался и независимостью благодаря высокому служебному положению родителей и хорошему финансовому состоянию семьи. Он знал всё, что происходило в городе. Был в курсе всех событий, на всё имел свою точку зрения. Он был свободен от работ по дому, не имел никаких обязанностей, кроме учёбы и никогда не испытывал унижительного чувства бедности.

Это был идол семьи. Всегда сыт, хорошо одет и почти всегда имел деньги на мороженое. Независимость порождает уверенность в себе, своих силах.

Витька то ли в шутку, то ли всерьёз любил повторять друзьям: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Похоже, что он свою точку найдёт. Конечно, мир не перевернёт, но бардак устроить сможет.

Сашка был во всем средний: и в силе физической, и умственной. Он гораздо быстрее Фёдки улавливал суть сказанного Витькой, поддерживал его предложения или первым начинал возражать, если был не согласен. Был связующим звеном между Витькой и Фёдором. Не выказывая ни в чем успехов, он успевал всюду и в то же время не лез в передовики. Это та золотая середина, которая объединяла кипучего, деятельного Витьку-непоседу и степенного, медлительного Фёдора.

Фёдор был тугодум. Он с трудом, несмотря на помощь Виктора, одолел школьную программу, его мало интересовали книги. Его увлечение – голуби и кролики. С ними мог возиться весь день, если бы не занятия в школе, да не обязанности перед друзьями. У Фёдора почти не было свободного времени. То по дому нужно помочь маме (в его обязанности входило ежедневное обеспечение квартиры топливом и водой), то почистить клетки кроликов, то найти какой-нибудь ящичек, подходящий для гнезда новой голубиной пары. Чувствуя своё отставание, он немного сторонился друзей, больше налегал на физические упражнения, для чего сделал во дворе дома между двух деревьев карагача турник из найденной в овраге толстостенной трубы. Из её же остатка да тракторных катков вышла хорошая штанга. Фёдору нравились физические нагрузки, на спор он поднимал тяжести, на руках боролся со взрослыми мужиками. За это он пользовался и у ребятшек, и у старших тихим почётом и уважением. Во многом благодаря своим спортивным способностям дотянул Федя и до защиты дипломного проекта в техникуме.

Как бы то ни было, но дипломы друзья получили вместе, а потом каждый сам по себе отслужил в армии. И одним летом вернулись в свой город. После дембеля немного погулеванили, а в один прекрасный день Витька «протрубил сбор».

– Есть хорошая идея, – объявил он друзьям. – Из краевого центра позвонил брат – геолог, предложил нам работу. Работа не пыльная, но денежная. Подними руку тот, кому не нужны «шуршики». Нет таких? Так вот, геологическая партия набирает рабочих в отряды, чтобы провести оценку остаточных запасов на одном из отработанных участков.

– Ты «науку не гни». Говори конкретно: что мы будем делать? Что требуется от нас, – одёрнул его Сашка.

– Если честно сказать, то я и сам этого толком не знаю. Просто брат предложил этим летом поработать с геологами, а осенью мы получим энную сумму. Немного приде-

немся к зиме и, как он сказал, может кое-что еще остаться на гостинцы родителям. На все раздумья даётся три дня. Думайте.

«Думайте». А что тут думать? Фёдору и думать нечего. Если Витёк сказал, значит, он всё продумал. На работу устраиваться надо? Надо. А куда? Вот то-то и оно.

До армии, после техникума, по направлению Фёдору пришлось поработать восемь месяцев на лесозаводе в распиловочном цеху мастером ОТК. В отделе дюжина женщин и он – единственный представитель сильного пола. Почти все женщины старше его по возрасту, опытнее и очень колкие на язык. Они с каким-то особым смаком подначивали Фёдора по любому поводу, а он, не способный быстро и достойно ответить на шутку, краснел, терялся и обижался. Нет, шутки не были злыми, но всё же... Каждый день на работу он шёл, как на смотрины. Из-за этих женщин он торопил дни – быстрее бы в армию забрали. Нет, на лесозавод он больше не вернётся. А куда? Хотя и есть у него диплом об окончании лесного техникума, а специалист из него, можно сказать, никакой.

«Думайте». О чем? Сейчас не думать надо, а хорошо зарабатывать. Думать может сам Витяня. У него для дум и условия есть и времени хватает. Есть выбор: работать – не работать. Отец – «шишка» – председатель профкома объединения «Дальлес», мать – главный бухгалтер мебельной фабрики, брат-геолог живёт своей семьей в крайцентре. Витёк на родительской шее один и у него нет никаких проблем. Он даже в армии умудрился поступить в институт и числился студентом-заочником второго курса.

У Сашки в семье тоже всё в порядке. Родители на механическом заводе работают и сына туда же пристроят, сёстры замуж повыскакивали. Кстати, одна из них, Катя, не дождалась Фёдора из армии. А планы были... Да что об этом вспоминать? Пролетело, перегорело... Правда, и на сердце что-то пригорело. Вспоминать больно, потому и не хочется. Забудем. Забудем... А если не забывается? Если она постоянно стоит

перед глазами? Если, если... Всё, время ушло! Теперь у Катьки есть муж и этим она отгородила себя от всяких вмешательств со стороны.

Мать долго ему о Катьке не писала – берегла сына, но он узнал. Узнал из письма Витька. Первое время сильно переживал. Никому ничего не говорил и не ждал, как раньше, почтальона из штаба. Катька давно уж перестала писать, но он надеялся... Оказывается, вот в чём дело... Худо дело. Кому он теперь нужен? Кто его ждет «на гражданке»? Бросила... Выставила посмешищем... Даже товарищи по службе заметили в нём перемену, а командир, узнав, в чём дело, не ставил его в наряд. Но армия есть армия – в распорядке воинской службы время на переживания не предусмотрено.

Ладно, это прошло. Теперь надо думать. Опять это «думать». Надо соглашаться и ехать работать. Работать, чтобы как-то поправить материальное положение, чтобы быстрее сбросить солдатские брюки и ботинки и помочь матери с сеструхой. Сестра – вот ещё одна загвоздка. Когда уходил в армию, в семье было трое: мать, он да сестра, а вернулся – четверо. Перед его дембелем Ольга подарила племянника, а матери – внука. Кто отец этого малыша – не говорит. «Всё равно вы его не знаете». Свиристелка. Теперь сидят на одной материной зарплате. «Велики» доходы медсестры, нечего сказать. Нет, тут думай – не думай, а куда не кинь – повсюду клин – надо работать.

Фёдор очень не хотел идти на ЛПК (лесоперерабатывающий комбинат), как когда-то не хотел поступать в лесной техникум. Всё, что связано с переработкой леса, ему было противно, ненавистно. Почему? Он и сам не знает. Может оттого, что десятилетним мальчишкой видел, как при разгрузке вагонов с лесом бревном насмерть придавило отца? А может, насмотрелся изуродованные пилами руки станочников? Всем нравится запах смолы хвойных деревьев, а Фёдора от него тошнит. Он и город свой не любит, наверное, потому, что куда ни глянь – всё связано с распиловкой,

раскряжевкой, разделкой леса. Как некоторые люди не переносят вида крови, так и он не может смотреть на ошкуренное, распиленное дерево.

Напрасно потеряны годы учебы в техникуме. Напрасно уговаривала его мать: учишься – пригодится. Нет, не пригодится. Мать тогда и Витьку с Сашкой просила: – «Поддержите Федю, с вами он, глядишь, и техникум закончит, а один – нет, не осилит. Не бросайте Федю».

Уже через день друзья были в краевом центре и предстали перед Витькиным братом. Тот посмотрел их экипировку: Витька с Сашкой – в спортивных костюмах, кроссовках, только что входивших в моду в их городе, с сумками через плечо, Фёдор – в солдатской форме, солдатских ботинках и с дембельским чемоданчиком.

– Ну что ж, вырядились, как на экскурсию, а ехать, ребятки, придётся в тайгу, не по Бродвею ходить. И работать до морозов. Ладно, с одеждой и обувью порешаем здесь. Всё необходимое получите на складе. Под зарплату, разумеется. Но должен предупредить сразу: будет тяжело. Дождь, жара, комары, гнус и нелёгкая работа. Работа до «белых мух» – до снега. Подумайте, солдаты, ещё раз, прежде чем писать заявления. Ещё не поздно отказаться.

Но отказываться никто не собирался. Ребята только набрались и сказали:

– Будем работать!

– Другого я и не ожидал. Заранее поручился за вас инженеру. И, думаю, что не подведёте. Паспорт есть у каждого? Ну, вот и хорошо. Оформим документацию, получим амунницию, и через недельку отправитесь в экспедицию. Я-то с вами не поеду. У меня другая работа. А пока... Пока поживёте у меня.

Работать предстояло в одном из северных районов края недалеко от города Таёжного, на речке Малый Чепкан.

Фёдор попал в один отряд с Сашкой на съём металлометрических проб, а Виктор оказался ниже по реке. Его отряд брал донные пробы. Фёдора в пару взял геолог Михаил Матвеевич или, как звали его все, просто Матвееч.